

УДК.821.161.1.09

**ПУБЛИКАЦИИ М.Н.МАКАРОВА О МОСКВЕ
(ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»)**

© 2011 Г.Г.Рамазанова

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмиллы

Статья поступила в редакцию 19.07.2010

В статье говорится о материалах, связанных с Москвой, достопримечательностями столицы, принадлежавших перу Михаила Николаевича Макарова, этнографа, бытописателя девятнадцатого века. Он был активным автором журнала «Московский наблюдатель», издававшимся в 1835 – 1839 годах. Его публикации представляют несомненную ценность для читателей, интересующихся историей Москвы, православными святынями столицы. Предметом рассмотрения стала также книжечка рассказов писателя, содержащих несколько историй из жизни московской бедноты, осмысленных как своеобразные нравоучительные притчи.

Ключевые слова: журнал «Московский наблюдатель», славянофильство, публикации М.Н.Макарова, этнографические материалы о Москве, православные храмы столицы, благотворительность.

Журнал «Московский наблюдатель» был достаточно заметным явлением в литературной жизни тридцатых годов девятнадцатого века. Это издание теперь почти забыто, а между тем в свое время в нем были впервые напечатаны произведения А.С.Пушкина, Е.А.Боратынского, Н.М.Языкова, В.Ф.Одоевского, Ф.Н.Глинки и многих других поэтов и писателей. Редакционную политику «Московского наблюдателя» – издания, которое вполне можно считать неким подготовительным этапом в создании журнала славянофильской ориентации «Москвитянин», – почти полностью определял С.П.Шевырев. В сороковые годы девятнадцатого века его считали главой реакционного крыла славянофильства, а его резкие, порой агрессивные выпады против «гниющего Запада» (авторство этого устойчивого словосочетания, ставшего впоследствии журналистским клише, принадлежит именно Шевыреву) в «Москвитянине» были широко известны.

В тридцатые годы идеология Шевырева – славянофила только начинает формироваться, это оказывает заметное влияние на подбор авторов и материалов, печатавшихся в редактируемом им журнале. Острое ощущение кризиса европейского сознания, попытки найти коренные отличия России от Западной Европы, проявляющиеся, прежде всего, в национальном характере, менталитете народов, интерес к истории, постановка проблем, связанных с православием, рассмотрение его в качестве возможного фундамента общеславянского единения – все эти темы славянофильской публицистики активно разрабатывались журналом. Не вызывает сомнений, что Шевырев разделял взгляды славянофилов

на проблему отношения к царю и верховной власти.

Авторитетный исследователь А.М.Песков в своей глубокой статье «У истоков философствования в России: русская идея С.П.Шевырева»,¹ определяя православные основы взглядов критика, особо подчеркивает их неизменность на протяжении всей его деятельности. Глубинную суть «русской идеи» Шевырева он усматривает в следующем: «Чудная сила народности», «характерность русская», «коренные русские чувства», «самобытность характера» заключается для Шевырева прежде всего в «религиозном чувстве» и «верности идее Царя своего» («Московский наблюдатель», 1835, ч. 1, март, кн. 1, с. 104 – 109; апрель, кн.1, с. 672). «Идея Царя» – это истинно русская мысль, «мысль целой жизни русского народа», истинное начало (...) национальному духу («Московский наблюдатель», 1835, ч. 1, март, кн. 1, с. 105). «Царь и народ составляют одно неразрывное целое, связь эта утверждена на взаимном чувстве любви и веры и в бесконечной преданности народа Царю своему». Эта связь обеспечивает «чувство государственного единства» и «гармонию политического бытия в России» («Взгляд на современное образование Европы», «Москвитянин», 1841, №1)².

«Московский наблюдатель» всегда стремился воспитывать в своем читателе уважение к самобытной отечественной культуре. Москва воспринималась и позиционировалась славянофилами как оплот истинного православия, патриархальной русской культуры, очаг исконной духовности. Древняя столица противопоставлялась

⁰ Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы.
E-mail: gulram.60@mail.ru

¹ Песков А.М. У истоков философствования в России: русская идея С.П.Шевырева // Новое литературное обозрение. – 1994. – №7. – С. 123 – 139.

² Там же. – С.130.

при этом прозападному кичливому «выскачке» Петербургу, игнорировавшему, как им представлялось, национальные традиции, корневые устои России. Но даже убежденный славянофил А.С.Хомяков не мог не признать, что Петербург более энергичен, деловит, перспективен. В его письме к А.Веневитинову (от 1831 года) есть такие строки: «Признайся, друг, что нужна твердость духа остающимся в Москве. Кого Петербург не переманивает к себе? Кто остается верным белокаменной старушке? Жалеешь и не имеешь даже сил сердиться на отъезжающих, потому что они правы. Если нет особенного призвания или страсти (это все одно и то же), то служба необходима в России не только для того, чтобы заплатить долг Отечеству, но и для того, чтобы наполнить пустыню дней и годов чем-нибудь, в такой земле, где физическая жизнь наших почтенных предков вышла из моды и сделалась предметом насмешек, а умственная развиваться еще не успела. А слова *служба* и *Москва* вместе не клеятся. Как только Кошелев приехал, первое слово мое было: «Что? В службе?» – и ожидаемое «да» не заставило себя долго ждать»³.

В номерах «Московского наблюдателя» время от времени появлялись небольшие заметки об истории столицы, ее пригородах, о православных святынях «первопрестольной», которые создавал М.Н.Макаров⁴. Публикация заметок и статей («Древняя и старинная Москва», «Достопамятности московские», «О посохе Александра Пересвета», «Русские предания», «Материал для истории памятника, предложенного соорудить на поле Куликовом. (Письмо И.П.Мартоса к Генерал-Адъютанту А.Д.Балашову)», «Жизнь и приключения русских журналов», «Заметки о Москве») была совершенно органична для «шевыревского» журнала и целиком вписывалась в его «славянофильскую» концепцию.

³ Вячеслав Кошелев. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, в рассуждениях разысканиях. – М.: 2000. – С.148 – 149.

⁴ В справочных изданиях дается достаточно сдержанная оценка его литературной и научной деятельности: Макаров, Михаил Николаевич (1789 – 1847) – рязанский уроженец, воспитанник Московского университета. В некрологе его сказано: «Любимый предмет его занятий составляли народные предания, прибаутки, поговорки, поверья и московские были, за достоверность коих ручалась, впрочем, только личность сочинителя. Во всех его сочинениях видим любовь к отечеству и преимущественно к рязанской губернии, где он родился и служил при губернаторе Балашове. В последнее время он был членом Московского комитета человеколюбивого общества // *Геннади Г.Н.* Справочный писатель о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. – СПб.: 2006. – Т.2. – С. 278.

Одна из статей М.Н.Макарова об истории Москвы – «Древняя и старинная Москва», написана в виде писем к редактору, Василию Петровичу Андросову, что придавало ей форму непринужденной беседы. В подобной манере автор публикации рассказал о старой части Москвы, и в частности, об Арбате. М.Н.Макаров, счел необходимым подчеркнуть, что, обращаясь к этой теме, он опирался на документы, такие как *Указатели Москвы*, напечатанные в 1773 году, *Описания Московских Церквей и Монастырей*, разные *Путеводители по древностям Московским*. Не претендуя на абсолютную, документальную точность, он сделал примечательную оговорку: «Да пусть взыщется добрый молодец и поверит меня во всех моих рассказах о Москве с Московскими Архивными документами, пусть пороется он в Вотчинном, в Сенатском, в Губернском архивах ... Там, *что* только не погнило, *многое* покажет в мою пользу А мне здесь Нестор на мое дело не годится! Ну да что мне до кого: довольно и того с меня, что вам надобен мой рассказ о Москве, и вот *тяну* его, как заливную бесконечную старинную зимогорьевскую, ямскую песенку все в одном тоне...»⁵ (курсив авторский – Г.Р.).

Та часть повествования, где автор рассказывает о московских церквях⁶, насыщена интересными бытовыми и этнографическими подробностями. Главный акцент (а в дальнейшем в его публикациях эта тенденция только усиливалась) сделан на том, что русская знать, элита общества вела скромную, патриархальную жизнь, не гнушаясь общения с «простыми» людьми: «Знаете ли вы церковь Чудотворца Николая, что прозывается на *Курьих Ножках*... Подле реченной церкви стоял дом какого-то Глебова, который, заведя царскими куриными дворами, имел тут собственный куриный домик... Наши Царицы и Царевны, живучи на *Царициной* улице, я чаю, нередко похаживали сюда поглядывать на своих *курочек-дарушечек* ... Царицы и Царевны из всех своих кур, имели своих же любимых курочек и посылали им от столов хлебные крохи, а иногда и пшеничные зерна. Но ту

⁵ Московский наблюдатель, 1835, часть IV, № 13 – 16. – С.445. Орфография и пунктуация автора даны без изменений.

⁶ Нельзя не отметить в этой связи, что написанная много позже книга «История города Москвы» И.Е.Забелина также, в основном, содержит преимущественно сведения о православных святынях столицы, истории их возведения («Первые каменные храмы Москвы», «Владимирская икона Богородицы», «Начало постройки Успенского собора», «Чудов монастырь» и другие) // *И.Е.Забелин.* История города Москвы. Репринтное воспроизведение издания 1905 года с дополнениями. – М.: 1995.

пшеничку они любили сами, из своих белых ручек, разбрасывать перед любимицами»⁷.

М.Н.Макаров приводит факты, и пересказывает предания, представляющие несомненный интерес для людей, знавших историю Москвы или стремящихся обрести эти знания. Безусловную познавательную ценность представляет его рассказ о другой церкви – *Вход во Храм Пресвятые Богородицы*, что на Поварской. Автор не без лукавства говорит, что рассказываемые им истории – «сказки», но при этом подчеркивает, что они вполне достоверны, поскольку передавались в его семье от поколения к поколению, из уст в уста:

«Сказка доносит, что здесь обычно торжествовали великий день Нового Лета – Бабье тепло. И вот старушки боярыни долго, долго еще служили молебствия новому гостю в церкви Св. Симеона. Обер-Кригс-и-Статс Комиссарша, Бригадирского ранга, урожденная княжна Львова, моя прабабушка, весьма охотно пересказывала покойному моему деду, а он, как разумеется, моему отцу, что очень радостно им бывало, когда накануне Семенина дня, царица с царевнами, княгини с князьями и все боярыни со своими дочками, внучками и разными благородными сиротами сиживали до петухов на Семеновых посиделках; тут они распорядились всякою снадобью к пожалованию нового года, гутарили о том о сем, крестились большим крестом, что довел им Господь Бог пройти старое и встретить новое лето. Шуму и песен не бывало, а все тишком, да с молитвою. На вечерах этих никто из сторонних мужчин не был и не мог быть... Прабабушка добавляет, что почитай пол-Москвы собиралось на заутреню к Симеону. Царевичи и царевны всегда ночевали в домах нарышкинских и в раннюю только обедню являлись в соборе Успенском...»⁸.

В этом незамысловатом рассказе воссоздана неповторимо-притягательная духовная атмосфера, передана особая патриархальность старой Москвы: благородные сироты и царские особы вместе встречают новый год, «гутарят», молятся. Это ли не образцовый пример истинно православного, благородного поведения?

Впечатляет даже простое перечисление существовавших некогда церквей, приведенное в рассматриваемом очерке. Разраставшаяся во все стороны Москва, с каждым новым «приращением» обязательно воздвигала новые храмы. Вот что пишет по этому поводу автор: «Замечают также иные, что все наши вековые наросты, или приросты Московские всегда начинались и оканчивались построением Св. храмов Царю Небесному. Например, Арбатская сторона началась церковью Вознесения Господня, церковью Иоанна Богослова, Федора Студийского и проч.

Этим церквам, в противоположность оканчивалась Тверская часть церковью Тихона Чудотворца, церковью Димитрия Селунского, Св. Чудотворца Николая и проч. проч. Также точно следовало, вплоть от Кремля, и в других наростах Московских. Сверх того, каждый монастырь имел свое выгонное поле, с большими огородами. Так, например, Воздвиженское поле соединялось с полем монастыря Смоленской Богоматери, что ныне церковь Федора Студийского, а к ним примыкали огороды и поля монастыря Страстного. Тут были гульбища загородные!»⁹ При чтении этих строк перед глазами читателя возникает пленительная панорама старинной Москвы, где золотые и лазурные купола церквей утопали в зелени раскинувшихся вокруг них садов.

Некоторые материалы М.Н.Макарова носили сугубо информативный характер. Он неоднократно публиковал подлинные документы историко-географического характера. Такова, к примеру, заметка «Достопамятности московские» (в ней говорится об образе Владимирской Богоматери Греческого письма), а также публикация «О посохе Александра Пересвета»¹⁰. В последней автор сообщает, что близ города Скопина Рязанской губернии, в монастыре Св. Дмитрия хранится посох или костыль, сделанный из яблоневоего дерева: «Богомольцы, посещающие Скопинский Дмитриев монастырь, благоговеют перед сим посохом. Он, по преданию, принадлежал некогда известному сподвижнику Донского, храброму, сильному победителю Челубея – монаху Пересвету»¹¹. Отправленный своим начальником генерал-губернатором А.Д.Балашовым для археологических занятий по вверенному округу, М.Н.Макаров детально описывает этот посох, пересказывает предание, связанное с ним. В рассказе воссоздан иконический образ скромного и праведного человека: «Предание рассказывает, что Пересвет, отправленный Св. Сергием на поле Куликово, шел как простой, бедный странник, как монах, поверявший себя только одному милосердному Промыслу небесному. На пути он посещал все пустыни, все монастыри, молился в них и вот здесь, на берегу небольшой речки, почти в виду степей Куликовых, доверил свой страннический посох в хранение отшельнику, перепоясал себя мечом и явился на битву Донского с Мамаем!»¹². Предоставляя вниманию читателя этот рассказ, автор высказывает некоторое сомнение в том, интересен ли, важен ли он. Думается, что публикация подобных материалов должна была не

⁷ Московский наблюдатель, 1835, часть IV. – С.446 – 447.

⁸ Там же. – С. 451 – 452.

⁹ Там же. – С.453 – 454.

¹⁰ Московский наблюдатель, 1836, часть IX. – С. 121 – 124.

¹¹ Там же. – С. 121 – 122.

¹² Московский наблюдатель, 1836, часть IX. – С. 123.

только возбудить интерес к историческому прошлому русского народа, но представить наглядные примеры честного и благородного служения отчизне, что также отвечало идеологической концепции журнала.

Статья М.Н.Макарова «Русские предания», напечатанная в двенадцатой части журнала за 1837 год, представляет собой смесь из легенд, поверий, исторических свидетельств, которые автор записывал «со слов «очевидцев» «близ Рязани, в борах муромских, в лесах переяславль-залесских, в засеках около Тулы» во время своих многочисленных поездок. Без тени видимой иронии, с подчеркнутой серьезностью, автор предупреждает о том, что здешние леса наполнены лешими, что они законные и стародавние их обитатели. От рассказа о сказочных обитателях леса Макаров переходит к описанию блуждающих островов, городов, появление и исчезновение которых обусловлено Божьей карой. Но самое удивительное то, что автор называет точные «адреса» расположения этих загадочных мест.

Во второй части вышеназванной статьи¹³ изложены сведения о географических точках Подмосковья, связанных с царской семьей: о селе Братовщина, об Алексеевском дворце, который полностью исчез с лица земли. Есть здесь и рассказ о будущей русской царице. Облик Натальи Кирилловны Нарышкиной пленяет скромностью: «Тот же помещик Гагин сказывал мне, что Наталья Кирилловна с самого детства чуждалась всех игрищ сельских: она замечала в них какую-то неприличность для скромной и тихой жизни девической... Зато уж храм Господень всегда составлял главный предмет в жизни будущей Русской Царицы. Многие молитвы она умела читать наизусть, и потому творила их во всякое время, когда только могла; и от того-то самого подруги ее боярышни, из зависти, или просто в насмешку прозывали ее *Желчинскою черничкою*. В селе Желчино вам покажут и место, где любила стоять и молиться мать Петра Великого; в 1821 году я сам его видел»¹⁴.

Сведения, приведенные автором, представляют собой пестрый калейдоскоп, порой они грешат бессистемностью, поверхностностью, беглостью. Нельзя в этой связи не отметить, что современники критиковали Макарова за отсутствие в его статьях ссылок на первоисточники, произвольные псевдоисторические толкования. С критикой «Русских преданий» выступил, в частности, «Сын Отечества»: «Макаров говорит небывальщину каким-то странным языком и возводит на предания русские, чего они и не дума-

ли передавать»¹⁵. Рецензент «Библиотеки для Чтения» иронически писал, что «их («Русских преданий» – Г.Р.) чтение доставляет несказанное удовольствие по самой своей странности – вы напрасно спрашиваете себя, что такое хотел сказать автор, и что вы из них узнали»¹⁶. Трудно предположить, что редакторы «Московского наблюдателя» не осознавали, что статьи М.Н.Макарова несколько легковесны и поверхностны. Наряду с его публикациями, в журнале помещались серьезные исторические изыскания таких ученых, как М.Бодянский, Ю.И.Венелин, М.П.Погодин¹⁷ и многих других, но воспринимать их публике, как представляется, было сложно (да и сейчас «одолевать» их можно только с большим усилием). Написанные тяжеловесным научным языком, они буквально подавляют обилием сведений, дат. М.Н.Макаров же, как представляется, апеллировал преимущественно именно к неподготовленной, неискушенной публике (это и была целевая аудитория журнала), делая главный упор на занимательности излагаемых сведений.

Обратимся к еще одному материалу, принадлежавшему перу М.Н.Макарова – «Заметкам о Москве»¹⁸, где вновь повествуется об истории столицы и происхождении некоторых географических названий. В текст «Заметки» Макаровым введен любопытный эпизод – о *Пристанище бедных*, который повествует о милосердии власти по отношению к своим гражданам: «В Москве это пристанище было по старине там, где теперь *Знаменский монастырь*. Царь Федор Алексеевич первый обратил особое внимание на нищих, болящих, лежавших то там, то сям по улицам московским. К *Знамению* эти нищие свозились со всех сторон. Боярину Ивану Милославскому был поручен главный надзор за *Знаменскою богадельнею*»¹⁹. Достоверность подобных свидетельств нельзя признать абсолютной, однако, совершенно очевидно, что все факты, приводимые автором, преследуют все ту же цель – показать милосердное отношение власти к людям, давая одновременно соответствующие нравственные уроки современникам.

В 1840 году М.Н.Макаров издает небольшую, состоящую всего из двадцати трех стра-

¹⁵ «Сын Отечества», 1840, т.2, отд.7. С.192.

¹⁶ «Библиотека для Чтения», 1838. – Т.30, отд. 6. – С. 6.

¹⁷ *Венелин Ю.И.* Скандинавomanия и ее поклонники, или столетние изыскания о Варягах // Московский наблюдатель, 1836, часть IX. – С. 269 – 278, 395 – 406; *Бодянский И.* О народах скифского племени // Московский наблюдатель, 1836, часть VII. – С.504 – 538; *Погодин М.Н.* Славянские новости // Московский наблюдатель, 1836, часть VII. – С.288 – 305.

¹⁸ Московский наблюдатель, 1837, часть XV. – С. 231 – 235.

¹⁹ Там же. – С. 234.

¹³ Московский наблюдатель, 1837, часть XII. – С. 503 – 514.

¹⁴ Московский наблюдатель, 1837, часть XII. – С.512.

ниц, книжку «Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстрорецкого»²⁰. На первый взгляд, она не имеет прямого отношения к рассматриваемому журналу, однако, между появлением этой книги и сотрудничеством писателя с «Московским наблюдателем» существует глубокая внутренняя связь. Ф.Н.Глинка, который тоже был достаточно активным автором журнала, опубликовал в нескольких номерах «Московского наблюдателя» за 1836 и 1837 г.г. художественные очерки о бедствующих семьях Москвы с указанием точного адреса несчастных. Главной задачей этих очерков был призыв к благотворительности. Впоследствии в журнале был опубликован список частных лиц и учреждений, пожертвовавших средства беднякам. Давней предтечей появления этих публикаций, возможно, стал альманах «Подарок бедным», изданный в начале тридцатых годов Новороссийским дамским обществом призрения бедных, о котором подробно рассказывается в монографии М.М.Рябия²¹. Но вернемся к книжечке М.Н.Макарова.

Она состояла из трех рассказов: «Билет на обеды», «Новая хозяйюшка», «Выздоровление»²². Хотелось бы остановиться на некоторых фрагментах этой очень занимательной книги. Первая «быль» – «Билет на обеды» – представляет собой монолог бедной, обездоленной старушки, воспитывающей двух внуков - сирот. Она благодарит Бога за неожиданную помощь со стороны доброго человека, увидевшего ее страдания: «Господи, Отец милостивый! Да откуда это добрые люди берутся?» – говорила старушка *Трофимовна*, мещанка из бывшей *Басманной* слободы. «Умереть бы нам голодною

смертию: напоследних творила молитву я грешная; а Господь, как тут, послал нам небесных Ангелов хранителей, распустили они свои святые крылушки над нами сиротами; ан вот вам и пирожок, детушки! Перекреститесь; да кушайте себе на здоровье!», Не скупясь на детали, вызывающие сострадание, писатель изображает несчастных детей, радующихся неожиданному угощению: «Старушка вытащила из бедной своей котомочки большой кусок пирога, препорядочную краюшку мягкого хлеба...Малюточки протянули ручонки, возвели светленькие глазки на синее небо, перекрестились и начали кушать бабушкин гостинец». Старушка рассказывает детям о милосердном поступке незнакомого человека, который дал ей три билета «на обеденные столы», учрежденные Комитетом Призрения.

Другой рассказ – «Новая хозяйюшка» – повествует о равнодушном отношении к спившейся и опустившейся женщине. Встречаются две давние знакомые: одна из них преодолела пагубную привычку, а другая, по - прежнему , пьет. Ивановна рассказывает историю своего «воскрешения», возвращения к трезвой и праведной жизни, и рассказом этим неожиданно убеждает подругу – Антоновну – последовать ее примеру. Жизнь Антоновны изменилась, но это не каждому под силу. В повествовании автор актуализирует мифологические представления народа о горе - злосчастье, запертом в сундуке: «На лавочке в уголке поставила *Ивановна* старенькой сундучишко: крепко он заперт, а в нем лежат пара худых котов, да лапти совсем растоптанные, еще какое-то тряпье грязное, диристое, едва похожее на одежду. Спросить: что это? И либо *Антоновна*, либо *Ивановна* вам ответят (они теперь живут вместе), это наша беда: заперта она крепко; а бережет она в том нас, чтобы вдругорядь с нею, бедою, нам не сдружиться»²³.

Третий рассказ – «Выздоровление». В нем говорится о том, как богатый человек помог своим бедным соседям. Несомненное достоинство рассказа заключается в том, что автор не искажает действительность, рисуя идиллическую картинку жизни, где царят всеобщая доброта и милосердие, но, напротив, показывает, как жесток и безжалостен мир. Главная героиня рассказа – девушка, мать которой отправили в больницу в ее отсутствие, поведала обо всех своих злоключениях священнику, который подошел к ней в церкви: «Помните ли, батюшка! Как нашел ее сосед наш, купец *Тихон Савельевич*, больную, полумертвую. Все наши *Бутырки* это знают. *Тихон Савельевич* сам отвез ее в больницу. Эда-

²⁰ Макарий Быстрорецкий – псевдоним М.Н.Макарова. В связи с организацией в Москве Комитета для призрения просящих милостыню, Макаров издал три тетрадки «Московских рассказов о бедных». Стилизованные под народный говор, эти брошюры на примерах поясняли благотельность учреждения комитета и его пользу для бедноты. Своим читателям автор раздавал эти брошюры бесплатно // Русские писатели 1800 – 1917. Биографический словарь. (Русские писатели 11 – 20 в.в. Гл. ред. П.А.Николаев.). – М.: 1994. – Т.3. – С. 470.

²¹ «Вслед за литературным альманахом на 1831 год «Сиротка», изданным в пользу заведения призрения бедных сирот в Москве, «Подарок бедным» продолжил традиции отечественной благотворительности»// Альманах «Подарок бедным» – «дело истинно просвещенное»// *Рябий М.М.* «Да чисто русская Россия пред нами явится видней!» От любомудрия к славянофильству: Монография. – М.: 2007. – С. 323.

²² Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстрорецкого. Одна тетрадка. – М.: В типографии Селивановского. 1840. Авторская орфография и пунктуация в дальнейшем приводятся без изменений. – С.5 – 6.

²³ Московские рассказы – М.: 1840. – С. 17 – 18.

кой человек предобрый!»²⁴. Дочь сбилась с ног, пытаясь найти мать, но в окружающих это не вызвало никакого сочувствия: «А я и ну искать этой больницы, бегаю по городу, как безумная грешница, проклиная соседа, что он увез матушку, мне не сказавшись... Другой наш сосед подьячий *Дементий Гаврилович* смеется надо мною, да говорит мне такие слова, что и уши повяли! А извозчики, на ближней бирже, кричат: *не свезти-ли, барышня?* Начали ворочать лошадей, да чуть было не задавили: они давно заприметили, что я часто мимо их бегала. Со стыда я гибла от их крику, да от глумленья»²⁵. От страха и отчаяния девушка побежала в церковь и здесь вновь обрела свою матушку.

Эти рассказы М.Н.Макарова – своеобразные нравоучительные притчи. Жанровая природа их синтетична: в них явственно видны приметы сказа – живая, простая и безыскусственная речь героев придает им особенную достоверность. Небольшие по объему очерки воспринимаются как своеобразные эскизы, «пробы пера» в жанре «физиологического очерка», который станет ведущим жанром вызревающей в недрах русской литературы «натуральной школы». Особенную правдивость и убедительность (на что и рассчитывал, по-видимому, автор) придает рассказам репортажный характер повествования: названы точные «адреса» происходящего. Совершенно очевидно, что автор стремился создать почти документальные рассказы, пронизанные одновременно глубоким лиризмом. Нельзя не заметить, что эти небольшие зарисовки напоминают прозу В.И.Даля. Фольклорный образ «горя-злосчастья», введенный в подтекст повествования, также сближает прозу обоих писателей. В своих рассказах М.Н.Макаров изображает тяжелую, наполненную страданиями и горем рус-

скую действительность: здесь говорится не только о бедности, но и о пьянстве, озлобленности людей. Автор доказывает, что лишь внимание и сострадание православных людей к бедным и убогим могут облагородить окружающую жизнь. Его задача очевидна: так же, как и Ф.Глинка в своих «благотворительных очерках», Макаров призывает к добру и милосердию, рассказывая о неравнодушных людях, чувствующих чужую боль и страдание и разрешающих, казалось бы, неразрешимые противоречия жизни.

В отличие от серьезных, аналитических материалов ученых-историков, статьи М.Н.Макарова не отличались фундаментальностью, не представляли особой научной ценности. Его публикации не носили характера серьезных, взвешенных исторических изысканий, и при всей своей информативности, не были чужды установки на развлекательность. Думается, что журнал привлекал к сотрудничеству этого автора вполне сознательно, преследуя определенную цель – возбудить в читателе интерес к отечественной культуре, к истории древней столицы как средоточию духовной жизни России и хранительнице нравственных сокровищ народа, и, наконец, к истории московских правителей. Публикации Макарова вполне справлялись с этой задачей. Его рассказы о московских бедных, в которых явно звучит призыв к милосердию, состраданию – тем душевным качествам, которые всегда были неотъемлемыми качествами русского народа, можно рассматривать как своеобразное продолжение «благотворительного марафона», начатого публикациями Ф.Н.Глинки на страницах «Московского наблюдателя».

²⁴ Московские рассказы – М.: 1840. – С.19 – 20.

²⁵ Там же. – С.20 – 21.

M.N.MAKAROV'S PUBLICATIONS ABOUT MOSCOW (TAKEN FROM DIFFERENT EDITIONS OF THE JOURNAL «MOSCOW OBSERVER»)

© 2011 G.G.Ramazanova^o

Bashkortostan State Pedagogical University (BSPU), Ufa

The given article is about the documents and information connected with Moscow and the sights of the capital written by M.N.Makarov, an ethnographer and everyday life writer of the XIX century. A book of writer's short stories that represent original moral parables and stories from the life of poor Moscow people was also considered in the article.

Key words: journal «Moscow Observer», essays by M.N.Makarov, Slavophilism, ethnographical materials about Moscow, churches of capital, Orthodox Church, charity.

^o Gulnaz Gilemdarovna Ramazanova, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor of the Literature department.
E-mail: gulram.60@mail.ru